

ИНТЕР-энциклопедия: Интеракция. Интервью. Интерпретация

DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.5

Ссылка для цитирования:

Семенова В. В., Рождественская Е. Ю. ИНТЕР-энциклопедия: Интеракция. Интервью. Интерпретация // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 3. С. 92–105. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.5>

For citation:

Semenova V. V., Rozhdestvenskaya E. Yu. (2020) INTER-Encyclopedia: Interaction. Interview. Interpretation. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 3. P. 92–105. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.5>

*Виктория Семенова**, *Елена Рождественская***

Работа представляет собой попытку обобщенной научной трактовки основополагающих понятий в рамках качественной парадигмы, таких как интеракция, интервью, интерпретация. Данные дефиниции употребляются и в более широком социологическом теоретико-методологическом контексте, имеют свою историю в рамках социальных наук. Вместе с тем в современной науке эти категории уже встроены в терминологию и семантику интерпретативной парадигмы, приобрели дополнительные смыслы и контексты употребления в тезаурусе социолога-качественника. Поэтому мы поставили цель описать их более детально в жанре словарных статей, как терминов, встроенных и интерпретируемых в поле качественной социологии; как конструкторов, используемых в ходе построения методологического дизайна качественного исследования при их употреблении в практике полевых работ или анализе первичных данных, тем более что эти три термина определяют общую концепцию и конфигурацию нашего журнала «Интеракция. Интервью. Интерпретация».

Ключевые слова: качественная социология; интерпретативная парадигма; интеракция; интервью; интерпретация

* Семенова Виктория — доктор социологических наук, профессор, руководитель сектора исследования социальных изменений качественными методами, Институт социологии ФНИСЦ РАН, victoria-sem@yandex.ru

** Рождественская Елена — доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, rigasvaverite@gmail.com.

ИНТЕРАКЦИЯ

Интеракция — концепция межличностной коммуникации с применением вербальных и невербальных средств в процессе совместной деятельности. Интерактивное взаимодействие заключается во взаимном влиянии агентов социального диалога в ходе обмена идеями, практическими знаниями, действиями в целях выработки солидарности и разделяемых идентичностей, которые способны направить их действия в будущем. Диалог может принимать как символическую (символический обмен) форму, так и номинальную. Важная особенность успешного взаимодействия — способность принимать на себя роль «другого», умение «примерять» ее на себя.

Благодаря координации поведения в процессе интеракций индивиды формируют групповые структуры, такие как иерархии, роли, разделяемые идентичности¹.

Вся повседневная жизнь состоит из микродействий коммуникативного свойства, в любой акции присутствует компонент социального взаимодействия, будь то поход к врачу, покупка товара, ситуация выхода замуж или женитьбы и т.д., и возникает необходимость выработать общие принципы кооперации с «другим». Как отмечал Т. Лукман, «социальная реальность конструируется в коммуникативной интеракции... Очевидно, что социальная интеракция — это нечто большее, чем индивидуальное действие, но она предполагает индивидуальное действие, действие, которое имеет смысл для тех, кто в нем участвует, независимо от того, приводит ли оно к тем результатам, которые были запланированы, или к болезненным результатам, когда последствия интеракции отличаются от тех, которые первоначально ожидалось» (Лукман, 2020).

Сам термин пришел из теорий символического интеракционизма (Дж. Мид, Г. Блумер, И. Гофман), концепций социального конструктивизма (П. Бергер и Т. Лукман), а также широко встроен в тематику социальной психологии.

Считается, что теоретико-методологическая установка исследователя, который занимается качественными исследованиями, берет начало в понимании социальных интеракций как основы социальной жизни. Эта ориентация базируется на представлении о том, что все, что люди говорят и делают в социальном мире, является результатом их личностного восприятия, возникающего в результате взаимных коммуникаций и общих символических представлений, формируемых, прежде всего, вербально, посредством языка, но также и невербально.

Понятие «символический интеракционизм» состоит из двух компонентов: символ и интеракция. Если первый соотносится с объектами, которые что-то замещают или что-то представляют, будь то жест, физический предмет или произнесенное слово, то второй компонент — интеракция — подчеркивает значимость ситуации межсубъектной коммуникации при

¹ Американская социологическая ассоциация. URL: <https://www.asanet.org/topics/social-psychology-and-interaction> (дата обращения: 12.07.2020).

передаче смыслов того или иного символа. Таким образом, интеракции обусловлены культурно. Согласно Говарду Беккеру, люди являются автономными, интерпретирующими субъектами, которые обладают способностью обсуждать, модифицировать или отвергать те значения и смыслы, которые были усвоены в процессе социализации (Беккер, 2018). Другими словами, это теоретическое направление фокусируется в первую очередь на субъективных аспектах интеракций, а не на макроструктурных факторах социальных взаимодействий. Для интеракционистов люди — прагматические акторы, которые ориентируют и приспособливают свое поведение к действиям и реакциям других людей, поскольку обладают способностью интерпретировать, оценивать действия и самих участников взаимодействия в качестве символических объектов. Процесс «приспособления» рождается из способности воображать разные альтернативные линии поведения еще до самого действия, как бы представляя себе воображаемую аудиторию. Он исходит из способности воспринимать другого, к тому же и самого себя как символический объект. Таким образом, для интеракциониста люди являются не пассивными объектами, сформированными в ходе социализации, а активными, креативными участниками процесса интеракций, которые конструируют свои социальные миры.

«Символический интеракционизм придает социальному взаимодействию (интеракции) центральное значение, учитывая его своеобразие. При подобной позиции интеракция не является условием, в котором проявляются социологические детерминанты поведения, а представляет собой взаимосвязанное поведение его участников. Поэтому интеракция является процессом, который сам формирует человеческое поведение» (Абельс, 2000).

Т. Лукман подчеркивает, что содержательно это означает переориентацию социальных исследований на анализ «процесса производства» в сравнении с анализом «продукта» или «потребления» определенных «продуктов», то есть на анализ интеракции и диалога как составляющих социальной реальности (Лукман, 2020).

Продолжая эту мысль, И. Гофман более детально рассматривает взаимодействие лицом к лицу как предмет исследований. Базовым элементом такого рассмотрения является ситуативный подход, где событие в терминологии Гофмана рассматривается как «социальный контакт», «столкновение», «несфокусированные и сфокусированные сборища» (Гофман, 2009). Основой его драматургической перспективы описания различных ситуаций называют так называемый ритуальный подход, в котором присутствует понятие «ритуалы взаимодействия» (Р. Коллинз). Как отмечает Абельс (Абельс, 2000: 58), Гофман подчеркивает «театрализованность» интеракций, рассматривая их как некие социальные постановки, когда люди, выступая «на публике», в отношениях с другими людьми, обществом, социальными институтами в своих повседневных действиях рассчитывают на восприятие окружающих

Он также вводит понятие интерактивного порядка, который включает в себя механизмы самовоспроизводства социального взаимодействия. К ним относится, в частности, прагматичная выгода, извлекаемая

человеком из участия в интеракции и превосходящая его затраты на взаимодействие.

Для его описания Гофман вводит множество понятийных инструментов для анализа взаимодействий как ритуалов: «лицо» и «лицевая работа»; «позитивные» и «негативные» ритуалы; «взаимообмены», «экспрессии» и «впечатления», «управление впечатлениями».

Изучение интеракций

Такая общая теоретико-методологическая рамка предопределяет фокус и цели исследователя-качественника на практике при подготовке своего проекта. Философия качественного подхода строится на контекстуальном изучении ситуаций с целью понять, «что происходит» с данным феноменом путем поиска и анализа символических форм социальных интеракций. Первичными данными являются словесные высказывания, образные конструкции, действия отдельных институций или поступки отдельных людей в тех формах, в которых они публично презентуют себя как акторы. Строгий анализ процесса интеракции предусматривает контекстуальное плотное описание в традициях Клиффорда Гирца, которое он использовал для социально-антропологических исследований (Geertz, 1973).

Качественное исследование и нацелено на распознавание паттернов повседневного взаимодействия путем раскрытия в ходе систематического наблюдения смыслов социального диалога через слова и действия его непосредственных участников и их последующую интерпретацию в социологических конструкциях. К тому же качественная парадигма предполагает для лучшего понимания порядка и смыслов данного взаимодействия размещать их в контексте определенных обстоятельств или конкретных ситуаций, порождающих именно данные смыслы.

Здесь, согласно принципам драматургического подхода Гофмана, важны не только формы вербальной интеракции — образцы речи, язык общения, тембр голоса, экспрессивность речи, но и невербальный, менее осознаваемый уровень коммуникации — символические сигналы общения (поза, положение в пространстве, синхронность взаимодействия с партнером), демонстрирующие определенные ожидания со стороны партнеров по общению. Сюда относят язык тела: поворот тела, контакт глаза в глаза и т.д., — которые как эмоциональные сигналы, возможно, более примитивны, но могут снизить или, наоборот, усилить энергетику вербальной коммуникации, например, сигнализировать о запретности определенной темы. Для некоторых форм интеракции также важным аспектом может служить анализ внешней среды, обстановки общения (например, происходит ли интеракция в официальной аудитории или в зоне рекреации).

Исследователи, среди которых ведущую роль играют социальные психологи, отмечают, что анализировать интеракции можно по следующим осям:

- по степени результативности различают эффективную интеракцию, которая предусматривает продуктивный обмен, сотрудничество на равных,

и неэффективную, когда каждый из агентов зацикливается на себе и в ходе интеракции возникают конфликты, или же формируются конкурентные отношения партнеров (ср., например, ситуацию торговой сделки);

- по линии властных компонентов интеракции различают доминирование/партнерство/подчинение при диалоге агентов;
- по степени эмоциональности: дружеское/враждебное; включенное/отстраненное взаимодействие.

Методы исследования

В эмпирических исследованиях при изучении интеракций в качественной парадигме чаще всего используют стратегию кейс-стади при приоритете техники наблюдения и глубинных интервью (например, исследования забастовочного движения, отношений «врач — пациент»). Различают включенное наблюдение (основоположник — антрополог Б. Малиновски, а также Чикагская школа, Р. Парк, Э. Берджесс и др.), при котором слова и поступки, а также взаимодействия внутри групп изучаются с позиции их социальных значений, когда исследователь сам является участником группы или же открыто наблюдает ее в естественном окружении, и невключенное наблюдение, если к объекту исследования трудно найти личный доступ (как при интернет-коммуникации).

Участие исследователя в пространстве интеракции может варьироваться от полного участия до частичного и полного неучастия, и тогда встает многоаспектная сложная проблема интеракции в ситуации «исследователь — респондент» (Омельченко, 2020). Существует научная дискуссия, связанная с вопросом о том, какое влияние intersубъективные отношения исследователя и респондента могут оказать на сам процесс изучения, а также на его результаты.

Возможные тренды будущих исследований

В перспективе интерес представляет модификация феномена интеракции в эпоху интернета: с одной стороны, социальные медиа предоставляют новые возможности для интерактивного взаимодействия в новых координатах времени/пространства; с другой стороны, интеракции лишаются многих привычных составляющих как вербального, так и невербального общения, в том числе модифицируется эмоциональная энергетика, глубина общения (при существенном расширении ареала общения), усиливается значение графической символики.

ИНТЕРВЬЮ

Интервью (глубинное) — «разговорный» метод исследования в социальных науках, где информацию получают через интеракцию интервьюера и респондента в ходе непосредственного контакта «лицом к лицу». Как способ получения нового знания, интервью имеет долгую историю, вспомним

хотя бы «Диалоги» Платона. В социальных науках начало профессионального использования интервью в качестве инструмента исследования связывают с работами Чикагской школы 20-х годов XX века, но длительное время к нему относились весьма скептически. Тем не менее в последние несколько десятилетий, начиная с 60-х годов прошлого века, свободное интервью завоевывает популярность и становится, возможно, одной из самых востребованных исследовательских методик, используемых также в маркетинговых и индустриальных исследованиях. Некоторые исследователи даже называют современную социальную ситуацию «обществом интервью» (“interview society”, см.: Brinckmann, 2008). В социологии эта техника широко используется в феноменологических, культурологических, социально-антропологических и постструктуралистских подходах.

По способу языкового общения интервью приближается к повседневному разговору, но, в отличие от него, преследует четкие исследовательские цели — получить информацию по определенной теме или о конкретном аспекте индивидуализированного жизненного опыта. По оси межличностной интеракции данный исследовательский инструмент находится посередине некоего континуума, где с одной стороны — формальное интервью, которое берется в ходе массовых опросов, а с другой стороны — клинически-терапевтическое интервью (З. Фрейд, Ж. Пиаже). При опросном интервью отношение «интервьюер — интервьюируемый» анонимно и нейтрально, общение носит характер властного доминирования интервьюера как эксперта, тогда как в психоаналитическом интервью цель, скорее, терапевтическая, чем научная — облегчение или преодоление болезненных состояний интервьюируемого пациента. Общий же феноменологический смысл качественного интервью состоит не в получении ответов на вопросы, но в стремлении интервьюера понять мир «другого» по принципу «я хочу понять тебя и посмотреть на мир с твоей точки зрения».

Интервью может проводиться как контакт одного исследователя сразу с несколькими респондентами (групповое интервью). Такое групповое интервью иногда называют фокус-интервью. В то время как индивидуальное интервью стимулирует в первую очередь беседу относительно индивидуального опыта, понимания социальных аспектов жизненного мира конкретного человека, групповое интервью призвано побудить участников обсудить их различные, не всегда совпадающие взгляды и опыты, используя энергетику группового мнения.

В большинстве случаев интервью носит форму асимметричного диалога («односторонний диалог»), в рамках которого интервьюер задает вопросы, а интервьюируемый, занимая роль респондента, отвечает на них. В отличие от строго структурированных интервью в опросном исследовании, качественное интервью — это интервью с открытыми вопросами, на которые респондент может отвечать в свободной форме, с любой степенью глубины ответа, а также может вступать в интерактивное взаимодействие с интервьюером, самостоятельно поднимая новые вопросы или переходя к новым темам.

Открытость — ведущий принцип качественного интервью, ибо только благодаря открытости можно обнаружить смыслы, существенные для исследовательского вопроса. Полная открытость означала бы участие в интервью без гипотез, диспозиций и теоретического предварительного знания. Однако беседа невозможна без использования общего исследовательского опыта и ресурса понимания у интервьюера. Это означает, что исследовательская группа должна обмениваться предшествующим опытом, гипотезами и знанием: это снижает риск того, что возобладает предвзятое субъективное мнение. Такие процедуры требуют осознанного и не всегда легкого решения, вынуждающего сделать доступными и обсуждаемыми свои собственные убеждения и быть открытым для других «истин». Открытость как принцип может вызвать сопротивление со стороны исследователя в конкретной ситуации интервью, поскольку взгляды исследователя и интервьюируемого могут радикально не совпадать. Но качественное интервью и затевается с целью того, чтобы понять как можно точнее точку зрения интервьюируемого, который должен иметь возможность развивать свои собственные смыслы.

Подобные интервью желательно проводить вне официальных публичных мест, в локациях, где обеспечивается обстановка приватности, личного контакта и есть возможность длительного общения. Такой длительный неформальный контакт лицом к лицу с одним респондентом в качественной парадигме и называют глубинным интервью.

В зависимости от степени структурированности глубинное интервью представлено целой серией типов от полностью неструктурированного до структурированного. Более детальная техника подобных интервью зависит от целей исследования, но все они предусматривают длительный межличностный контакт, даже если это телефонное или онлайн-интервью. По типам интервью различают: 1) нарративное, 2) полуструктурированное (интервью с путеводителем), которое может выстраивать тематическую направленность в определенной логике: биографическое, лейтмотивное, фокусированное; 3) диалоговое, или свободная беседа, где возможна даже конфронтация с высказываниями респондента для уточнения или углубления его позиции.

Принцип процессуальности должен применяться как по отношению к интервью, так и по отношению ко всему исследовательскому проекту. Применительно к интервью это означает, что не все формулировки и порядок вопросов определены заранее, дизайн интервью зависит от процесса. Курс и продолжительность беседы будут варьироваться в зависимости от направленности интервью и возникающих вопросов, поэтому при проведении интервью необходима гибкая реакция на высказывания респондента.

Следующий методологический принцип — принцип экспликации. Он требует, чтобы у интервьюируемых просили объяснений и пояснений к сказанному. Но важно отметить, что пояснять следует предварительно описанное, то есть толкование следует за описанными структурами опыта. Цель состоит в том, чтобы получить или простимулировать более полное толкование опыта опрашиваемых.

Любое глубинное интервью требует полной аудио- или видеозаписи и своей дальнейшей, как можно более точной, расшифровки путем транскрибирования, чтобы не потерять значимую для исследователя информацию. Таким образом интервью как устный источник превращается в письменный документ, подлежащий анализу и интерпретации.

Хотя глубинное интервью и относится к типу неформальных, существуют некоторые общие требования к организации и тактике поведения интервьюера в поле.

- Требуется предварительная саморефлексия исследователя, осознание себя как «инструмента познания» в полевой ситуации, настрой на позицию партнерского взаимодействия в формате разговорного жанра со скрытой научной рефлексией и ориентацией на познавательные цели. Это определяется как осознанная двойственность позиции интервьюера для обеспечения баланса познания и эмпатии, рационального и эмоционального в процессе интеракции.
- Принцип рефлексивности должен определять все этапы исследовательского процесса. Для интервью и его последующего анализа это означает, что высказывание респондента погружено в контекст рассказа, оно связано с более ранними утверждениями или вопросами, и это должно быть принято во внимание при его интерпретации — только так его можно понять.
- Для проведения успешного интервью интервьюер с самого начала стремится к установлению доверительных отношений с интервьюируемым, которые необходимо целенаправленно формировать с самой первой фазы интервью, еще в преамбуле разговора.
- Интервьюер зачастую имеет дело с конфиденциальной частной информацией, поэтому необходимо постоянно напоминать себе об этических аспектах подобного взаимодействия, избегать болезненных тем и тактично касаться тем, связанных с травматическим опытом (Квале, 2003). Для определения четких этических границ интервью исследователи настаивают на подчеркивании его добровольного характера и подписании договора об информированном согласии.
- В силу свободного характера разговора интервьюеру необходима интуиция, так как нельзя заранее предвидеть все возможные риски, в том числе моральные, и непредвиденные повороты в беседе. Важно быстро реагировать на такие неожиданности и уметь совладать с возникающими рисками.
- Интервьюер нацелен не на получение готовых ответов, а на желание «схватить живые образы» индивидуального опыта в единстве фактов, вербальных и невербальных данных, поэтому необходима настройка и готовность к восприятию невербальной информации, что весьма пригодится на этапе написания мемов (заметок, комментариев) после завершения интервью.

Различают несколько фаз глубинного интервью: 1) первичный контакт и брифинг, на котором происходит определение ситуации для

интервьюируемого. Цель — адаптация научных целей исследования к повседневному миру респондента и установление отношений доверия между интервьюером и интервьюируемым. 2) Основная фаза интервью как структурированный разговор по интересующим исследователя темам. Здесь важна проблема постановки вопроса (номинальный, отслеживающий, углубляющий и т.д.). 3) Дебрифинг и выход из интервью. Цель данного этапа — создать у респондента позитивный эффект вместо возникающего иногда ощущения опустошенности вследствие раскрытия своего интимного мира «на публику», а также предусмотреть возможность дополнительных контактов. 4) После интервью — составление мемов, первичных заметок интервьюера для последующего анализа с учетом всех вербальных и невербальных данных проведенного интервью.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Интерпретация — в гуманитарном знании, в науках о культуре понятие «интерпретация» употребляется в значении, близком к понятию «понимание», с помощью которого мыслители, начиная с Дильтея, стремятся выразить специфику гуманитарного и культурологического познания, направленного на постижение (расшифровку, декодирование) смыслов, воплощенных в различных текстах и вообще артефактах культуры. В философской герменевтике (Э. Бетти, Х. Гадамер) проблематика интерпретации выходит за рамки постижения смыслов текстов, оказываясь связанной с познанием бытия человека в мире (Швырев, 2001). Как теоретическая система философских и методологических взглядов, а также как исследовательская практика, это понятие берет начало в немецкой интеллектуальной традиции и герменевтике. Согласно Х. Гадамеру, герменевтика как наука об интерпретации с ее историческими корнями в интерпретациях библейских текстов исходит из того, что наши “being” и “doing” тесно связаны (Гадамер, 1988).

Как методологическая система в области социальных наук, как эпистемологическая парадигма, интерпретация исходит из центрального понятия *Verstehen*, или понимания и поиска смыслов социальной реальности (М. Вебер). В этом отношении она противостоит натуралистической концепции объяснения как конечной цели исследования. В широком смысле любое социальное исследование является интерпретативным, поскольку имеет дело с человеческим фактором. Однако эта теоретическая концепция более широко применяется теми социальными исследователями, кто привержен определенным онтологическим, эпистемологическим и методологическим принципам. Такая традиция основывается на рассмотрении результатов исследования, исходящем из определенных теоретических ориентаций, при этом открыто постулируется, что именно эти ориентации были использованы при выходе на определенные умозаключения.

Интерпретация в качественной парадигме понимается как исследовательская стратегия, направленная на раскрытие скрытых смыслов

социально-культурных феноменов. Познание субъективных значений (слов) социального опыта акторов опирается на общее представление исследователя-профессионала о контекстуальности функционирования социального феномена.

В постмодернистской парадигме основа таких взглядов состоит в том, что нет абсолютной истины — контекст определенной ситуации предопределяет специфическое наполнение смыслов и значений для участников, поэтому все результаты исследования считаются относительными. Опираясь на работы таких философов, как Ричард Рорти (Rorty, 1990), интерпретаторы считают, что исследователи должны отказаться от своих опасений относительно теории познания; отказаться от философской доктрины реализма/неореализма; пересмотреть основные понятия, такие как объективность, субъективность и релятивизм; переосмыслить роль методов в процессе исследования (Smith, 2008: 460).

Полученные данные не всегда говорят сами за себя, скорее, результаты исследования могут быть рассмотрены с различных перспектив.

Приведем пример. В ходе интервью мать с гордостью говорит о своем сыне, что у него высокий уровень образования — он окончил строительный техникум. Но зафиксированный факт — уровень образования — может быть совсем по-разному интерпретирован с точки зрения исследователя и его знания об иерархии системы образования и с точки зрения оценки этого факта глазами респондента. Возникают возможные разные перспективы оценки, интерпретации одного и того же социального факта.

Процесс конструирования смыслов на основе полученных результатов и понимается как интерпретация. Она помогает понять скрытый смысл данных, полученных в ходе исследования. Для этого исследователь «прикладывает» к результатам уже имеющиеся теоретические концепции или же конструирует свои собственные на основе полученных данных относительно индивидов, групп или изучаемых сообществ, соотнося их с актуальными научными дискуссиями, например, относительно расы, гендера, класса, неравенства, демократии, войны, глобализации и т.д., тем самым возвращая эмпирические данные в русло социальной критики и концепций социальных изменений.

Рассуждая о месте интерпретации в качественном исследовании, необходимо отметить, что в одних исследовательских направлениях интерпретация является центральным звеном описательного анализа, как в случаях социально-антропологического, культурологического подхода, биографического подхода, устной истории, при выборе тактики кейс-стади. Другие же, более аналитические стратегии, например, конструирование мини-теории (grounded theory) или построение типологии, используют интерпретацию на первичных этапах работы с исходными данными. В первом случае говорят об интерпретативном исследовании (Smith, 2008; 459).

Н. Денцин и И. Линкольн, рассуждая об интерпретативном исследовании, подчеркивают, что в таком исследовании смыслы раскрываются,

обнаруживаются и переживаются. Фокус делается на поиске смыслов, описании и детализации (The SAGE..., 2017). Исследователь может надеяться, скорее, на интерпретацию жизни субъектов, чем на полное их понимание. С точки зрения культурного антрополога К. Гирца, антропологическое исследование и его презентация возможны, скорее, только как интерпретация, и только во вторую или даже третью очередь как истинное «понимание» индивидуальных или групповых субъектов (Geertz, 1973).

Ролевая позиция интерпретатора. В пространстве самой эпистемологической традиции с течением времени концептуальное видение интерпретации также меняется: от колонизаторских постпозитивистских теорий к эмансипаторским теориям «исключенного» и феминизму. В традиционном интерпретативном исследовании интерпретатор был центральным звеном при описании наивных локальных культур «аборигенов», эти культуры трактовались с позиции «белого» антрополога-«миссионера», изучающего культуру «другого». Но, начиная с конца XIX века и с проектов Чикагской школы, стала развиваться иная интерпретативная традиция, которая фокусировалась больше на самих нарративных жизненных историях, а исследователь служил только передаточным звеном. В эпицентре исследовательского интереса стали сами «повествования о жизни», «голос» субъектов. Методологически это означает иной подход к интерпретации. Постмодернистская парадигма и современные дискуссии возникли на основе подобных изменений. В целом идея отстраненного наблюдателя была отброшена, и начались сложные онтологические и методологические диспуты относительно смыслов, субъективности, исследовательской рефлексивности самого интерпретатора при работе с субъективными данными.

Дискуссии об интерпретации. В настоящее время существуют несколько исследовательских направлений или интерпретативных парадигм, которые по-разному рассматривают возможности реструктурирования и реконструирования первичных данных и роль интерпретатора: этнометодология, феноменология, постпозитивистские, конструктивно-интерпретативные, критические и феминистски-постструктуралистские модели (Denzin, Lincoln, 2017).

Несмотря на их различия и специфику встроенности в различные методологические традиции, в любом случае задача интерпретатора состоит в стремлении понять в процессе интерпретации мир участников или смысл отдельных событий. В процессе работы с данными создается пространство диалога между повседневными заботами, живым опытом, практиками изучаемых участников событий, с одной стороны, и позицией участвующего наблюдателя — с другой, с его непосредственным (здесь и сейчас) проникновением в мир исследуемых. Интерпретатор соотносит ситуации с практическими мирами участников, исследует передний план в поисках его фоновых значений и практик, которые в конечном счете и делают возможным тот или иной «передний план». Наибольшее значение здесь имеет

работа с текстами. Работая с текстом, интерпретатор переходит от одного сюжета к другому, анализирует отдельные части, а также текст в целом, отслеживая возможные соответствия/несоответствия, присутствующие в отдельных частях текста.

Логика интерпретации. Прежде всего интерпретатор стремится выявить и артикулировать «особенное», специфическое для данной ситуации: особые формы речи, локальные способы действия и особые формы мышления. Общее, сходное для всех сторон данного контекста или ситуации, а также его отличительные, специфические черты — вариативность рассматривается на фоне схожих случаев — социально-типичного, что трактуется как внеконтекстуальные свойства данной ситуации, ее формальные атрибуты.

Переходя от одной стадии к другой и рефлексирюя свое движение к целостности, исследователь постепенно приближается к более полному пониманию субъектов или ситуации в целом. Глубокая и успешная артикуляция свойств данного объекта возможна тогда, когда исследователь воедино собирает большинство значимых категорий, что в результате приводит к более полному пониманию ситуации.

Если отследить логику и шаги интерпретации, то их можно представить в следующей формальной последовательности:

- фиксация основных непротиворечивых фактов, представленных респондентами в ходе полевого исследования;
- «плотное» описание фактов по методике К. Гирца (словесные конструкции и отдельные действия, описывающие свойства каждого факта);
- целостное описание ситуации как частного случая в данном контексте;
- построение первичных гипотез относительно смыслов на основании вариативных свойств данного феномена;
- сравнительный анализ вариативных свойств данного кейса в пространстве социально-типичного с фиксацией сходств/различий;
- привлечение социологических концептов и социологических теорий среднего уровня для интерпретации смыслов данной ситуации.

Литература

Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация: введение в интерпретативную социологию / Пер. с нем.; под общ. ред. Н. А. Головина, В. В. Козловского. СПб.: Алетейя, 2000.

Беккер Г. Аутсайдеры: Исследования по социологии девиантности / Пер. с англ. Н. Фархатдинова; под общ. ред. А. Корбуа. М.: Элементарные формы, 2018.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем.; под общ. ред. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.

Гофман Э. Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу / Под ред. Н. Н. Богомоловой, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009.

Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003.

Лукман Т. Коммуникативное конструирование реальности и секвенциальный анализ. Личная реминисценция / Пер. с англ. В. В. Семеновой // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 1. С. 11–20. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.1>

Омельченко Е. Л. «Я ничем вам не помог...»: исследовательская рефлексия вслед неудачному интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 1. С. 81–95. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.5>

Швырев В. С. Новая философская энциклопедия / Под ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2001.

Brinckmann S. Interviewing // The SAGE Encyclopedia of Qualitative Research Methods / Ed. by L. M. Given. Los Angeles: SAGE Publications, 2008. P. 470–472.

Geertz C. The Interpretation of Cultures. NY: Basic Books, 1973.

Rorty R. Objectivity, Relativism and Truth: Philosophical Papers I. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9781139173643>

Smith J. K. Interpretive Inquiry // The SAGE Encyclopedia of Qualitative Research Methods / Ed. by L. M. Given. Los Angeles: SAGE Publications, 2008. P. 459–461.

The SAGE Handbook of Qualitative Research / Ed. by N. Denzin, Y. Lincoln. 5th ed. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2017.

Дата поступления: 01.09.2020

INTER-Encyclopedia: Interaction. Interview. Interpretation

DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.5

Victoria Semenova, Elena Rozhdestvenskaya

Semenova Victoria — Doctor of Sociology, Professor, Head of Sector for the Study of Social Change by Qualitative Methods, Institute of Sociology of FCTAS RAS, victoria-sem@yandex.ru

Rozhdestvenskaya Elena — Doctor of Sociology, Professor, Faculty of Social Sciences, HSE University; Leading researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, rigasvaverite@gmail.com

The work is an attempt to generalize the scientific interpretation of fundamental concepts in the framework of a qualitative paradigm, such as interaction, interview and interpretation. These terms are usually used in a broader sociological theoretical and methodological literature, and have their own history within the social sciences. Though, in modern science, these categories are already embedded in the terminology and semantics of the interpretive paradigm, and they have acquired additional meanings and context of use in the thesaurus of the qualitative sociologist. Therefore, the goal is to describe them in more details, in the genre of dictionary entries, as terms embedded and interpreted in the field of qualitative sociology; as concepts used during the construction of the methodological design of qualitative research, and in the practice of fieldwork or analysis of primary data. Moreover, these three terms define the general concept and configuration of our journal “Interaction. Interview. Interpretation”.

Keywords: qualitative sociology; interpretive paradigm; interaction; interview; interpretation

References

Abels H. (2000) *Interakciya, identichnost', prezentaciya: vvedenie v interpretativnyuyu sociologiyu* [Interaction, identity, presentation: an introduction to interpretive sociology] / Transl.; Ed. by N. A. Golovin, V. V. Kozlovskiy. SPb.: Aletejya. (In Russ.)

Bekker H. (2018) *Autsajdery: Issledovaniya po sociologii deviantnosti* [Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance] / Transl. by N. Farhatdinov; Ed. by A. Korbut. M.: Elementarnye formy. (In Russ.)

Brinckmann S. (2008) Interviewing. *The SAGE Encyclopedia of Qualitative Research Methods* / Ed. by L. M. Given. Los Angeles: SAGE Publications. P. 470–472.

Denzin N., Lincoln Y. (eds.) (2017) *The SAGE Handbook of Qualitative Research*. 5th ed. Thousand Oaks: SAGE Publications.

Gadamer H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenevtiki* [Truth and method: Fundamentals of philosophical hermeneutics] / Transl.; Ed. by B. N. Bessonova. M.: Progress. (In Russ.)

Geertz C. (1973) *The Interpretation of Cultures*. NY: Basic Books.

Goffman E. (2009) *Ritual vzaimodejstviya. Oчерki povedeniya litsom k litsu* [Interaction Ritual: Essays on face-to-face behavior] / Ed. by N. N. Bogomolova, D. A. Leont'ev. M.: Smysl. (In Russ.)

Kvale S. (2003) *Issledovatel'skoe interv'yū* [Research Interviewing]. M.: Smysl. (In Russ.)

Luckmann T. (2020) Kommunikativnoe konstruirovaniye real'nosti i sekvencial'nyj analiz. Lichnaya reminiscenciya [The Communicative Construction of Reality and Sequential Analysis. A Personal Reminiscence] / Transl. from English by V. V. Semenova. *Interakciya. Interv'yū. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 12. No. 1. P. 9–18. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.1>

Omelchenko E. L. (2020) "Ya nichem vam ne pomog...": issledovatel'skaya refleksiya vsled neudachnomu interv'yū ["I didn't help you in any way...": Research Reflection after a Failed Interview]. *Interakciya. Interv'yū. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 12. No. 1. P. 81–95. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.5>

Rorty R. (1990) *Objectivity, Relativism and Truth: Philosophical Papers I*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9781139173643>

Shvyrev V. S. (2001) *Novaya filosofskaya enciklopediya* [New philosophical encyclopedia] / Ed. by V. S. Styopin. M.: Mysl'. (In Russ.)

Smith J. K. (2008) Interpretive Inquiry. *The SAGE Encyclopedia of Qualitative Research Methods* / Ed. by L. M. Given. Los Angeles: SAGE Publications. P. 459–461.

Received: 01.09.2020